

Кровь словно кипела в моих венах, сжигая меня изнутри, а галлоны пота, которые капали с меня, не давали мне ничего, чтобы охладиться. Он лишь успел намочить халат, в который я был одет, приклеив его к груди, а также пропитать больничную койку, к которой я был пристегнут. Я скрипел зубами, переставляя руки и ноги, пытаюсь найти положение, которое принесло бы хоть какое-то облегчение, но я только натер запястья и лодыжки в местах крепления ремней.

- Перестань двигаться, объект L-15, - отдаленно услышал я чьи-то наставления рядом со мной, но звучало это так, будто они разговаривали под водой. А может, это я был под водой. В этот момент я не мог сказать. Было ощущение, что я тону. Мой взгляд переместился вверх, к тому, кто говорил, и сквозь размытые глаза я узнал силуэт доктора К. Ее форма была в основном стеклянным пятном, но у нее были длинные каштановые волосы, собранные в пучок, и она была одета в белый лабораторный халат. Не думаю, что это было ее имя, но и не был уверен, что это не так.

Думаю, когда-то у меня могло быть имя, но я не мог его вспомнить. Воспоминания словно выжгли прямо из моего черепа.

- Сколько еще осталось? - прохрипел я, вцепившись в руль каталки белыми костяшками пальцев. Я привык к боли. Я не смог бы прожить так долго, если бы не привык к ней, но это было совсем другое. Моя кровь наполнилась обжигающим жаром, и боль не утихала и не ослабевала. Она началась в тот момент, когда в меня ввели беловато-голубую жидкость, и за прошедшее время жар только распространился по всему телу.

- Ты приближаешься к концу, L-15. Сохраняй спокойствие до конца, - сказала доктор К., ее голос был твердым, но не злым. Из всех врачей, с которыми мы работали, она была, пожалуй, самой доброй, но иногда ее трудно было полюбить. Когда приходило время работать, ты никогда не знал, что тебя ждет. Иногда ты торчал на бездумных викторинах о музыкальных вкусах по шестнадцать часов подряд, а иногда оказывался на операционном столе, не зная, вернешься ли ты обратно.

Я услышал знакомый писк рядом с собой и на мгновение подумал, не мой ли это кардиомонитор, который начал замедляться. Рядом со мной я услышал, как доктор К. выругалась, прежде чем обогнуть меня с другой стороны, ее белый лабораторный халат развеялся на ветру, когда она шла к кровати рядом со мной. Я несколько раз моргнул, чтобы прояснить зрение, но оно все еще оставалось стеклянным. - Он кодируется, - сообщила доктор К., взяв иглу, наполненную фиолетовой сывороткой.

Мои брови сошлись, когда я попытался вспомнить, кого же привезли со мной на этот раз. Думать было трудно. Мои воспоминания были нечеткими. Как будто мой мозг был заполнен муравьями, и они ползали внутри моего черепа, пытаюсь найти выход. За доктором К. и командой медиков я увидел очертания ярко-рыжей стрижки и потрясающе белую кожу.

A. Z.

Мы были в одной возрастной категории. Я знаю Зи всю свою жизнь - с тех пор, как мы впервые очнулись здесь, в детском доме, в возрасте пяти лет. Так что вот уже десять лет я знаю Зи. Пустое чувство зародилось в моей груди, когда я наблюдал за тем, как медики пытаются заставить его сердце снова работать. - Это реакция, - услышал я голос доктора К., звучавший уверенно. Мы с Зи часто работали вместе, так как были одними из последних в нашей группе, но в прошлый рабочий день он проводил тест в одиночку.

Я отвернулся от сцены, из уголка глаза капала одинокая слеза. Или это мог быть пот. - Прощай, Зи, - пробормотал я, закрывая глаза и слушая, как замирает его кардиомонитор.

...

Когда я открыл глаза, то не почувствовал никакой боли. Моя кровь не казалась наполненной огнем, но зуд был. Мои руки и ноги больше не были связаны, что позволило мне потереть натертую кожу, которая появилась из-за моего первоначального трепанга. Взглянув на знакомый потолок, я на мгновение замер и стал ждать звуков храпа, доносящихся с другого конца комнаты и чуть левее. Но вместо этого я услышал лишь тишину.

Я вздохнул и поднялся в сидячее положение, оказавшись в общежитии. Все было белым и стерильным - и стены, и пол, и потолок. Единственное, что менялось, - это оттенок белого. По форме общежитие представляло собой длинный прямоугольник, в котором когда-то было очень тесно. Двадцать шесть кроватей для двадцати шести ребят нашей группы. Однако с годами комната стала немного более открытой, так как кровати убрали, потому что тот, кто на них спал, не успел вернуться.

Мой взгляд устремился туда, где должна была стоять кровать Зи, но обнаружил пустое место. Его кровать, как и все остальные, вывезли на колесиках, оставив комнату немного более пустой. Теперь? Теперь оставалось только четыре кровати. Моя, М, А и Р.

Еще один вздох вырвался у меня, когда я заставил себя встать с кровати и, подоткнув одеяло, пробрался к шкафу под кроватью, чтобы взять еще один комплект одежды. Одновременно там лежал только один комплект, и то лишь тогда, когда на мне еще не было скрабов. Меня стерилизовали, когда я входил в операционную и когда выходил из нее, поэтому мне не нужно было беспокоиться о душе. Оделся в пару серовато-белых брюк и рубашку, а ноги обул в пару серых мокасин.

Одеваясь, я измерил давление в затылке. Единственный метод определения времени, которым обладал любой из нас. Мне нравилось называть их зарядами. Они начали появляться только некоторое время назад - я точно не знаю, когда. Время было сложно измерить мелкими штрихами. У всех нас был один день рождения, который ознаменовывал наше продвижение по скобкам, и один проходящий год. Благодаря зарядам я знал, что между появлением каждого заряда обычно проходит два рабочих дня. Остальные дни были заполнены временем восстановления и умственными задачами.

Судя по давлению в задней части черепа, я знал, что пробыл в отключке достаточно долго,

чтобы оказаться в начале нового цикла. Это означало, что я был в отключке довольно долго - вероятно, чтобы отфильтровать эту дрянь из моей крови и держать под контролем, чтобы убедиться, что у меня нет никаких побочных эффектов. Это означало, что вскоре мне предстоял очередной рабочий день без какого-либо наполнителя, чтобы мысленно восстановиться после этого испытания.

Выйдя из нашего общежития, я вошел в коридор, который, как я знал, образовывал большой круг. Через равные промежутки в нем находились двери, ведущие в общежития других групп. Самой младшей была пятая группа, которая была заполнена детьми. Самым старшим должен был стать восемнадцатый, но на моей памяти никто не смог проработать так долго. Ближе всех был V-17, который умер еще тогда, когда я был L-9.

В промежутке между восемнадцатым и пятым общежитиями находилась дверь-переборка. Никто никогда не видел другую ее сторону. Предполагалось, что за ней находятся рабочие комнаты, но нас вырубили без сознания, прежде чем доставить в них, так что оставалось только гадать.

Пройдя через дверь, которая находилась напротив моего общежития, я вошел в зал отдыха и увидел, что там так же многолюдно, как и раньше. Он был разделен на пять этажей с лифтом и лестницей, соединяющей их. Первый этаж предназначался для младших кронштейнов, и, естественно, это был базовый этаж. Как только двери открылись, на меня сразу же обрушился шум: все пятый и шестой классы играли друг с другом. Блочные и логические головоломки, математические уравнения и научные проекты.

- L! - услышал я знакомый голос, обращая свое внимание на T-6, который заставил L-5 и L-6 сделать то же самое. T-6 подбежал ко мне, заслужив мягкую улыбку, когда я поднял его на руки. Как и у всех в этом месте, его волосы были коротко подстрижены. В отличие от большинства, у него уже были хирургические линии на задней части черепа, куда был вставлен имплантат. Долгосрочная работа. Хорошо. Это означало, что у него будут более легкие нагрузки. - Ты встал!

- Да, последняя работа была тяжелой, - признался я, придерживая T-6, пока шел к лифтам. Остальные ребята вернулись к своим играм или друг к другу. - Похоже, ты качаешь какое-то железо. Что это?

- Это позвоночник Арасаки! - ответил T-6, повиснув на мне и покачиваясь, из-за чего я чуть не уронил его, чтобы он мог продемонстрировать биотический позвоночник, торчащий из его спины от основания черепа до бедер. - Пока не знаю, что он делает.

- Арасака, да? Похоже, мы работали вместе, - заметил я, пробираясь вверх по лестнице. - Мы тестировали термопрепарат. Похоже, люди хотят ходить в космосе без модификаций, - заметил я, заслужив улыбку от уха до уха. Врачи никогда особо не скрывали, что именно они нам дают. Чаще всего на модах, ампулах или пастах были надписи - Militech, Arasaka и так далее, и так далее. Я не очень понимал, что это такое. Только то, что это были сущности за пределами стен, в которых я вырос.

- Круто, - вздохнул Т-6, практически вибрируя в моих объятиях. - И я учился! Как ты и просил, - добавил он, явно ожидая похвалы за свои старания.

- Хорошо, - ответил я, мой тон был немного более напряженным, чем я намеревался. От учебы могла зависеть жизнь и смерть. Если ты хорошо сдавал тесты, то мог претендовать на разные профессии. Умственные работы. Они были скучными, это я могу признать. Но заниматься математикой, головоломками или решать научные уравнения по восемнадцать часов подряд все равно было бесконечно лучше, чем тестировать продукты. - Продолжай в том же духе. И довольно скоро ты сможешь пойти с нами в спортзал и начать заниматься физическими упражнениями. - Физические тесты были палкой о двух концах, потому что они могли квалифицировать тебя на работу, которую ты хотел бы получить, так же легко, как и на ту, которую ты не хотел бы.

Но риск того стоил. Иногда тебя включали в тест, с которым ты физически не мог справиться, и наличие нескольких лишних килограммов мышц могло решить твою судьбу.

Поднимаясь по этажам, я видел разнообразные комнаты и другие кронштейны. Каждый этаж был привязан к определенной группе: базовый этаж - 5-7, второй - 8-10, третий - 11-13, а четвертый предназначался для 14-16. Пятый и последний этаж был зарезервирован для скобок 17 и 18, но в данный момент они были незаняты, и нам не разрешили туда подняться. Т-6 разрешили только потому, что он был со мной.

Четвертый этаж был в основном предназначен для высококлассных физических занятий или ментальных упражнений - стулья для проведения боевых симуляций в рамках подготовки к работе с боевыми стимуляторами или имплантатами. Множество тренажеров. Стол, где мы могли есть питательную пасту, на который проецировалась голограмма для симуляций стратегии. Сама комната была, пожалуй, самой красочной из всех, что я видел, с мрачными черными тонами и линиями на полу, обозначающими безопасное расстояние.

- L, - поприветствовал меня один из горстки других, находившихся на этаже. Мы делили его со скобками 14 и 16... но в комнате все равно было только шесть человек, несмотря на то что она была зарезервирована для трех скобок. Некоторые могли быть на индивидуальных работах, но я знал, что даже с ними комната все равно будет пустой. М-15 сидел за столом вместе с А-15 и Р-15 - их головы были обриты, но никто из нас больше не выглядел похожим.

Р в этот момент был больше мускулом, чем человеком. Побочный эффект препарата, призванного помочь естественной регенерации, и тот, кто его разрабатывал, забыл учесть, что мышечные волокна, естественно, постоянно рвутся, в результате чего Р имел массу в триста тридцать фунтов чистых мышц. У А полностью отсутствовала челюсть, и ее заменил металлический порт, который забрал его нос и один из глаз. М и Я выглядели наиболее естественно, но у М был вытянутый череп, отмеченный хирургическими линиями и имплантатами.

- Z не выжил, - сказал я последним членам своей группы, подходя к столу с Т-6 под руку. При виде их он замолчал. Старшие дети всегда пугали младших, потому что те не понимали, что их ждет. - Осложнение, - добавил я, садясь на место и объясняя, почему еще один из нас умер, но

на самом деле в этом не было необходимости.

Ты мог справиться только с таким количеством физической работы, прежде чем вступал в конфликт. Повреждения накапливались. Эксперимент, который ты проводил в пятом скобке, мог вступить в конфликт с экспериментом в десятой скобке, и это убивало тебя. Младших детей иногда возвращали обратно - особенно если у них была долгосрочная работа, над которой они трудились. Не всегда, но такое случалось. В общем и целом, до скобки десять ты был в порядке. Ты мог умереть от самих экспериментов, но со сложными проблемами сталкивался только потом.

Мы были в скобке пятнадцать - все четверо.

В скобке шестнадцать никого не было.

В скобке четырнадцать было девять участников.

- Еще один кусает пыль, - заметил А., пренебрежительно пожав плечами, что никак не соответствовало грусти в его глазах. Мы привыкли к тому, что друзья умирают. Семья. Это был лишь вопрос времени, правда. Это также было частью причины, почему я был единственным, кто беспокоился о том, чтобы завязать связь с кем-то из более молодых - у нас было мало времени. В нашем возрасте каждая работа была авантюрой, когда дело доходило до усугубления проблем. Мы уже не могли отскочить назад так, как могли даже несколько лет назад.

Мы были стариками.

- Если еще один из вас умрет до следующего дня рождения, то я выиграю наше пари, - заметил Р., его голос был глубоким, как медь. Это была своего рода традиция - заключать пари на то, сколько из нас доживет до следующего брекзита. Я уже проиграл, потому что поставил на то, что нас будет шестеро. Р поставил три, А - два, а М - один. Он даже удвоился и поставил на то, что он будет единственным, кто дойдет до конца. На самом деле нам не на что было ставить. Мы просто услышали об этом от доктора из Biotechnica, который наполовину объяснил нам, пока доктор К не заткнул его.

Мы все положили руки на стол, включая Т-6, с хихиканьем. А постучал пальцем по столу, пока говорил: - Как ты думаешь, что произойдет? Если мы пройдем весь путь до скобки 18? Как ты оцениваешь наши шансы? - Пока он говорил, его палец постукивал по столу, передавая какое-то послание. Тонкий код, который мы разработали за последние дюжину рабочих дней. Когда появились мои обвинения.

- Ты не хочешь, чтобы я отвечал на этот вопрос, - ответил я на невысказанный вопрос. - Время здесь нам не друг. - Я постучал пальцем по столу на слове "время", помечая его как важное. - Я бы дал ему еще восемь рабочих дней, прежде чем мы все уйдем. - Перевод? Четырехцикловый таймфрейм.

- Мне кажется, это многовато, - проговорил М, поджав губы. - Я ставлю на четыре. Сегодня я провалялся целых тридцать секунд, - признался он, заставив мой палец сделать паузу. Это значит, что нас было почти трое.

- Ты должен был остаться мертвым. Я бы выиграл наше пари, - заметил Р., переведя взгляд на меня. - На прошлой работе я потерял сознание. Десять секунд. - добавил он, и я почувствовал страшную тяжесть на своих плечах. Тяжесть, которая появилась месяц назад по причине, в которой я не был до конца уверен. Я не знаю, было ли это усугублением проблемы, или это был эксперимент, который работал так, как было задумано, или что.

Я вел своеобразный мысленный список, в котором отмечал, на что были потрачены заряды и сколько их у меня было.

<http://tl.rulate.ru/book/95670/3260452>